

ПЕРВАЯ ФИНАНСОВАЯ ПИРАМИДА и ПЕРВЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС в ИСТОРИИ МИРОВОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

Четвертая международная валютная система, известная как «Ямайская», не в состоянии предложить никаких экономических решений, оздоравливающих мировое финансовое здоровье, - напротив, сама система и провоцирует дальнейшую дестабилизацию, отрыв финансов от «реальной экономики». Международная финансовая система трещит по всем швам, не видно никакого выхода из затяжного и глубокого кризиса в рамках действующей системы. Ни Международный валютный фонд (МВФ), ни другие законодательные фонды, банки и финансовые институты не в состоянии найти выход из сложившейся ситуации в рамках действующей международной валютной системы.

Новые качественные и количественные характеристики мирового валютно-финансового рынка дополняются изменениями его **институциональной структуры**, представленной значительной совокупностью кредитно-финансовых институтов, участвующих в валютно-кредитных операциях, перераспределяющих капитал между странами-участниками международного разделения труда.

До последнего времени в отечественной литературе (в отличие от западной) не существует достаточного количества исследований, посвященных кризису мировой валютной системы.

Невозможно в полной мере охарактеризовать происходящие сегодня негативные явления в этом сегменте экономики, не обратившись к «преданиям старины глубокой», ибо все, что происходит сегодня, уже когда-то раньше случалось, разве что в иных масштабах. Нельзя анализировать сегодняшние события, не вспомнив наше «вчера», а может быть, и «позавчера» истории происхождения денег, превращения денег в валюту.

Мы находимся на поворотном витке кризисного состояния всей валютно-финансовой составляющей в мировой валютной системе. Её перестройка уже началась, только на этот раз процесс трансформации переместился в регион Восточной и Юго-Восточной Азии и проходит при невероятно упорном сопротивлении со стороны США и европейского сообщества. Сопротивление принимает подчас характер локальных военных конфликтов, но может привести и к более серьезным обострениям всего военно-политического конфликта в азиатском регионе.

Наступило такое время, когда даже серьезным аналитикам, ведущим экономистам... «прозорливым» фантастам трудно делать прогнозы возможного мирового валютно-финансового переустройства. Наступило время непредсказуемых природных катастроф, подобных Японской трагедии марта 2011 г., наступило время военных конфликтов по «единому сценарию», время громадных мыльных пузырей и финансовых крахов. Никто не может даже предположить, какому «сценарному ходу» последует наш семимиллиардный мир. Единственное, что нам остается, это, погрузившись в глубь веков, вспомнить, что было тогда, чуть более трёхсот лет тому назад. С точки зрения черепахи, это всего только одна жизнь.

Итак, перенесемся назад в самое начало далекого XVIII в. и начнем наше повествование с одного из первых финансовых крахов в истории человечества. История человечества развивается по спирали, так считают философы. Инфляция, девальвация, крах финансового рынка, крах ценных бумаг, кризис на кредитном рынке... всё это уже было много лет тому назад во Франции, в самом начале XVIII в.

Во Франции возведение финансовой архитектуры происходило иначе, нежели в других западноевропейских странах, и с серьезными издержками для населения. В нач. XVI в. во Франции обнаруживаются первые элементы первоначального накопления капитала. Во второй половине XVI в. начинается общенациональный кризис, связанный, прежде всего с гугенотскими войнами и сужением рынков сбыта для французских товаров из-за роста цен. Государственный долг к началу XVII в. составил не менее 300 млн. ливров. (Серебряный ливр был основной денежной единицей во Франции). Волна преступности

и разбоев прокатилась по всей стране. Генрих IV, первый король из рода Бурбонов, правивший в 1593-1610 гг., решительно взялся за наведение экономического и финансового порядка. Во главе финансового ведомства был поставлен выдающийся государственный деятель герцог Максимилиан Сюлли, который многое успел: ввел режим строгой экономии, уменьшил налог с крестьян, что вызвало их экономическую активность, покровительствовал земледелию. Правда, он не видел перспектив развития промышленности во Франции. И только в XVII в. во Франции развивается рассеянная мануфактура при поддержке государства. При знаменитом герцоге Ришелье в 1624-1642 гг. в государстве устанавливается строгий режим жесткого меркантилизма и протекционизма. Но кардиналу не удалось многое, французская промышленность так и не начала при нем серьезно развиваться. Его расчет на французскую буржуазию, которой было предоставлено право свободно распоряжаться своими капиталами и вкладывать их во что они сами хотели (он справедливо полагал, что те, кто вкладывают деньги в существующий политический режим, не будут содействовать его низвержению, поэтому надо предоставить буржуазии возможность выгодно вкладывать капиталы в должности, в титулы и откупа, а не в промышленность и капитальное строительство). Изгнание, по инициативе Ришелье, гугенотов в 1630-х гг. привело к тому, что Франция лишилась экономического цвета своей нации и стала отставать от Англии и Голландии. Зато в стране начался бурный расцвет ростовщичества. Торгово-финансовая буржуазия в борьбе с абсолютизмом предпочитала приобретение за деньги дворянских титулов, что давало освобождение от налогов (на доходы, полученные от земли).

Вторая попытка развить французскую промышленность была предпринята при короле Людовике XVI (1643-1715), но предпринимательские усилия тормозились абсолютной монархией, которая видела в них только источник налоговых поступлений. Французские предприниматели предпочитали эмигрировать в Голландию или в Америку, они все чаще требовали послаблений в налоговом бремени и все большей свободы. Известен случай, от которого и произошел знаменитый термин «Laissez faire»: один из представителей купеческого сословия

Ф. Лежандр произнес знаменитую фразу «Laisser nous faire» (позвольте нам делом заниматься) в разговоре с возглавлявшим финансы государства Ж.Б. Кольбером. С тех пор эта фраза стала лозунгом буржуазного либерализма. Начало XVIII столетия – это период экономического и политического упадка во Франции. Потеря Канады и других колоний больно ударила по процессу первоначального накопления капитала. Около 2 млн. квалифицированных ремесленников и торговцев эмигрировало. К началу правления семилетнего Людовика XV и его регента Филиппа Орлеанского государственный долг составил около 2 млрд. ливров.

В 1715 г., после смерти короля Людовика XIV, финансовая система Франции находилась в самом плачевном состоянии, в бюджете страны не было денег, чтобы выплачивать проценты по огромному государственному долгу, погасить который не представлялось возможным не только в самое ближайшее, но и в более отдаленное время. Расточительное правление «короля-солнце» привело государственные финансы Франции в крайнее расстройство. Поскольку новому королю было всего 7 лет, все заботы легли на плечи регента, герцога Орлеанского. Филипп Орлеанский столкнулся с двойным кризисом: финансовым, связанным с обслуживанием непомерного государственного долга, и общеэкономическим, выражавшемся в низком уровне хозяйственной активности. Малолетний наследник престола решать эти проблемы не мог и не умел, а его регенту Филиппу Орлеанскому было не под силу найти финансовые ресурсы, чтобы облегчить тупиковую финансовую ситуацию.

Вначале регент Франции попробовал решить финансовую проблему путем перечеканки монет (нечто вроде современной девальвации). Золотые и серебряные монеты изымались государством, а взамен выпускались монеты с тем же названием и номиналом, но с содержанием драгоценного металла на 20% меньше. Разница направлялась в казну. Принимались также самые строгие меры против неплательщиков налогов. Одного такого злостного неплательщика налогов даже казнили. Власти поощряли всевозможные доносы на тех, кто уклонялся от уплаты налогов, в результате чего доносы стали множиться, а хо-

зяйственная деятельность уходит в подполье. Ремесленники и торговцы были особенно недовольны действиями властей. Однако в казну попадала только половина собранных денег, а другую половину присваивали приближенные регента, чиновники и все, кому было доступно присвоение денег таким образом.

Финансовые трудности не только не преодолевались, но продолжали нарастать как снежный ком. Власти поощряли доносы на тех, кто уклонялся от налогов, доносы стали множиться, а хозяйственная деятельность – уходит в подполье. Ремесленники и торговцы были особенно недовольны действиями властей. В казну попало не более половины денег, собранных таким способом. Вторая половина оказалась присвоенной приближенными регента, чиновниками и прочими лицами, имевшими такую возможность.

Вот в эдакую-то минуту и вспомнил Филипп Орлеанский о некоем Джоне Ло (1671-1729), одной из самых ярких и самобытных фигур позднего меркантилизма. Шотландец этот в свое время был приговорен в Англии к смертной казни за убийство на дуэли. Он скрывался в различных европейских странах, интересовался банковским делом и изучал азы финансовой архитектуры. Кроме того, любил играть в карты и даже слыл удачливым карточным игроком. Что привлекло в его прожектах, которые он рассылал в различные государства, регента Филиппа Орлеанского? Вне всякого сомнения одно: ясность и краткость поставленной цели. Джон Ло полагал главной причиной экономического застоя и плохой собираемости налогов... недостаток денег. Что он предлагал? Дополнить обращение золотых и серебряных монет...бумажными деньгами – банкнотами особого банка, который и предлагал учредить под покровительством королевской власти. Эти деньги, утверждал он, были призваны пополнить казну, начать выплачивать проценты по долгу и оживлять экономическую деятельность государства. Это была новая и смелая идея.

Вполне разделяя меркантилистскую веру в деньги как решающий фактор экономического процветания, он предпринял попытку проложить новый путь решения извечной проблемы их нехватки в государстве. Свои надежды он связывал с разви-

тием банковского дела и «бумажного кредита» – денежной системой, основанной на банковском обращении.

Джон Ло считал, что наполнить страну деньгами можно не только за счет активного торгового баланса: проще и надежнее та же задача решается путем выпуска банкнот. Количество последних, в противовес преобладавшему тогда мнению, он предлагал не увязывать с запасом драгоценных металлов в стране, а определять исходя из потребности хозяйства в денежной массе. Принципиальная схема Ло предусматривала учреждение государственного земельного банка, наделенного правом выпуска бумажных денег под обеспечение землей и другими нематериальными активами. Такая схема, по идее Ло, решала сразу несколько задач: а) высвободившиеся из обращения металлические деньги сразу пополняли казну; б) с увеличением денежной массы снижался уровень процента; в) повышалась прибыль.

Обоснованию этих идей Ло посвятил книгу «Деньги и торговля, с предложением, как обеспечить нацию деньгами» (1705), предвосхитившую ряд макроэкономических идей более поздних авторов. Одновременно он пытался заинтересовать своими идеями власти многих европейских стран. Такие попытки долго не приносили никакого результата. Парламент его родного государства – Шотландии принял даже специальную резолюцию, гласившую, что «навязывание бумажного кредита посредством парламентского акта – дело, неподходящее для нации».

Джон Ло писал, что «...торговля зависит от денег. Больше их количество дает занятие большему числу людей... Никакие законы не могут дать людям работу, если в обращении нет такого количества денег, которое позволило бы платить заработную плату большему числу людей» (1, с.57), впрочем он не предполагал тогда, что неосторожное использование этого простейшего рецепта ведет к инфляции.

В мае 1716 г. во Франции вышел указ об учреждении банка с уставным капиталом в 6 млн. ливров. Капитал отчасти был собран путем ограниченного числа акций банка, оплачиваемых отчасти звонкой монетой, отчасти долговыми обязательствами государства. Банкноты, выпускаемые банком, были сразу при-

знаны законными деньгами. В частности, они принимались в уплату налогов.

Ло сразу сделал заявление, что банкноты банка будут свободно обмениваться на звонкую монету, притом по соотношению на дату их выпуска. Таким образом, они были застрахованы от перечековки монет. Если бы содержание металла в монете было снижено, то держатель банкнот получил бы больше монет на соответствующую величину, это был хитрый и искусный ход, который превращала банкноты в более твердые деньги, чем монеты из драгоценных металлов. На рынке они расценивались нередко дороже монеты. Вскоре хозяйство страны почувствовало облегчение. Умиравшая торговля оживилась. Налоги стало собирать легче, люди уже не роптали при их сборе.

Начало восстанавливаться доверие к государству и его обязательствам. Престиж банка Джона Ло начал все более и более укрепляться. Банк открыл свои отделения в нескольких крупных провинциальных городах.

Регент был потрясен успехами в банковском деле и согласился на следующую авантюру шотландского финансиста. Ло предложил создать некую акционерную компанию и предоставить ей монополию на торговлю с французскими землями в нижнем течении великой реки Миссисипи, которые считались сказочно богатыми золотом и другими ценностями. Компания должна была собирать деньги значительного числа акционеров и пустить их в исключительно выгодное дело. Эти земли назывались Луизианой, по имени короля Людовика (Луи) XIV. Через сто лет их продадут, подобно русской Аляске, США, и теперь они являются одним из штатов под тем же названием. Джон Ло получил для своей компании ряд других прав и привилегий.

В августе 1717 г. компания была учреждена и получила первоначально название Миссисипской компании. Было разрешено выпустить около 200 тыс. акций по 500 ливров каждая. Покупатели могли оплачивать акции не только звонкой монетой и банкнотами, но и государственными обязательствами, которые на рынке котировались ниже номинала и, таким образом, компания становилась кредитором государства. Почти сразу

возник лихорадочный спрос на эти новые ценные бумаги, доверие к которым поддерживалось своего рода ореолом, возникшим вокруг имени Джона Ло. Эмиссия же акций породила первую в истории спекулятивную лихорадку и первый биржевой крах.

Для того чтобы поддержать доверие к акциям, Ло вложил свои собственные деньги в эту первую в истории **срочную сделку с акциями**.

Финансовая система Дж. Ло строилась на взаимодействии двух учреждений: наряду с ранее созданным банком, который фактически стал государственным, была учреждена подконтрольная Дж. Ло акционерная компания. Банку, так предполагал Дж. Ло, надлежало обеспечивать предложение денег и поддерживать низкий уровень процента по ссудам, что в конечном счете должно было стимулировать хозяйственную активность. Фактически акционерная компания делалась посредником между казной и ее кредиторами. Должнику (государству) Ло реструктурировал его обязательства на выгодных для казны условиях, а кредиторам казны он предложил конвертировать имевшиеся у них ценные бумаги и акции своей компании, которые в то время неуклонно росли в цене. Спрос на акции имел критическое значение для успеха всей схемы, и в этом поддержку компании оказывал банк: надежность акций подкреплялась гарантией выкупа их банком по фиксированной цене, а рост их курса стимулировался банковской эмиссией.

Система Ло заработала: кредит стал дешевым (его ставка снизилась до 2%); промышленность и торговля пришли в движение, казна освободилась от основной части государственного долга. Однако такое благоденствие продолжалось недолго.

Герцог Сен-Симон говорил о Джоне Ло как о «человеке Системы». Слово Система (с заглавной буквы) очень любил применять к своим идеям сам Ло, не страдавший излишней скромностью и считавший себя создателем нового экономического порядка. Между тем, в его созданной, казалось, на века Системе начали проявляться сбои, несогласованности. Система начала шататься. Она не могла долго развиваться, наступило время, когда о себе начали заявлять законы банковского дела, которые Ло не учел. Куда вкладывались те огромные ликвид-

ные средства, которые собирала Компания Индий путем эмиссии своих ценных бумаг? В небольшой части – в корабли и товары. В подавляющей – в облигации государственного долга. Взамен правительство предоставляло компании все новые и новые льготы и привилегии.

Каким образом размещались новые выпуски ценных бумаг компании? За счет того, что банк печатал все новые и новые банкноты. Могло ли такое положение продолжаться долго? Нет, конечно. Многие уже начинали опасаться за свои деньги. Люди стремились заблаговременно избавиться и от банкнот, и от акций. В первой половине 1720 г. эмиссия банкнот Королевского банка вышла за рамки допустимого, напечатав около 500 млн. ливров. Регент Филипп Орлеанский, во всем доверившийся авантюрным проектам Ло, не консультировался со специалистами в банковском деле, которые опасались скорейшего краха Системы Ло.

Все началось с требования принца де Конти (одного из самых влиятельных врагов Ло) обменять солидную пачку банкнот на золото. Такое требование было невозможно выполнить, и Ло удалось от этого увернуться с помощью регента, отговорившего принца от его требований. Но это было уже сигналом к начинавшемуся неблагополучию: многие менее знатные вкладчики старались обменивать свои банкноты на золото. Напряжение возрастало. По всей Франции из обращения исчезала разменная монета, что мешало розничной торговле. Люди старались прятать металлические деньги, всячески избегали банкнот. В феврале 1720 г. последовал, по инициативе Ло, государственный указ, запрещающий владение монетами на сумму более 500 ливров под угрозой конфискации и других наказаний. Было также запрещено покупать ювелирные изделия и драгоценные камни. Доносы всячески поощрялись, в том числе и материально. Доносчикам обещано было выдавать определенную долю в конфискованных ценностях. Народная любовь к Ло и к регенту начинала превращаться в ненависть.

Следующая стадия кризиса началась со стремительного падения курса акций Компании Индий. Правительство попыталось принимать весьма сомнительные меры, формировало корпус переселенцев из 6 тыс. чел. для освоения богатств Амери-

ки. Этот корпус состоял в основном из нищих, бродяг... Более половины этих людей продавали выданное им обмундирование, орудия труда в Новом Орлеане и возвращались обратно в Париж: работать они не умели и не хотели.

Финансовый кризис продолжал обостряться. Начиналась паника. Было решено объединить Компанию Индий с королевским банком в одно учреждение. Не помогало ничего. Отчего эффект этой Системы Ло оказался таким недолгим? Дело в том, что достижения Компании в освоении заморских территорий были весьма скромными и не могли служить локомотивом экономического роста в метрополии. Фантастический рост цены ее акций (со 160 ливров при первых выпусках до 18 тыс. ливров в 1720 г.) оказался искусственным. Весной 1720 г. наступил момент, когда желающих купить акции оказалось намного меньше, чем тех, кто хотел обменять свои акции на деньги. Тогда же усилился отток серебра из страны. Миссисипская компания перестала быть центром притяжения для значительной части эмитированных банкнот, и «крутившаяся» в ней денежная масса выплеснулась наружу. Фактически начался процесс монетизации (погашения) государственного долга, ранее переоформленного в акции. Система Ло оказалась ничем иным как финансовой пирамидой.

Крах пирамиды Ло оказался шоком для всей Европы. Огромные состояния превращались в ничто, разорялись предприятия, рушились судьбы людей. Сам Джон Ло бежал из Франции от толпы готовых растерзать его кредиторов.

Какой урок смогла извлечь из этой первой в истории человечества финансовой авантюры экономическая наука? Прежде всего, стало ясным то, о чем догадывались раньше, а именно: зависимость **денежного** хозяйства от **реальной** экономики. Был дан толчок к переосмыслению роли денег и торговли.

Чем же закончилась история Системы (или Пирамиды) Ло? Проблему оставшегося государственного долга решили путем конфискации. Из числа кредиторов были выделены те, кто не мог доказать законность приобретенных ими обязательств казны, и эти бумаги были просто аннулированы. Сумма процентов по остальным долгам была произвольно сокращена в несколько раз. Официально это объяснялось тем, что было рас-

крыто много злоупотреблений, связанных с выпуском и обращением государственных ценных бумаг.

Крушение Системы Ло оказало большое влияние на экономику Франции вплоть до революции в к. XVIII в.

За судьбой Джона Ло внимательно следил русский царь Петр I. После краха финансовой пирамиды он пригласил Ло в Россию, но тот уклонился от предложения стать экономическим советником при дворе, предпочитая вернуться к азартным играм и свободному образу жизни. Скончался Джон Ло в 1729 г. в Венеции от воспаления легких.

Тем временем во Франции начала вызревать революционная ситуация. Непрестанно крестящиеся крестьянские восстания начали приобретать особую остроту. Король Людовик XVI (1774-1793) в наследство получил груз неразрешенных социально-экономических проблем. Самой сложной оказалась проблема финансовая. «Главный финансист» Тюрго предпринял героические попытки спасти ситуацию. Он ослабил налоговое бремя крестьян, ввел налогообложение привилегированных сословий, пытался уничтожить барщину, закрыть в городах цехи, уменьшить количество монастырей, восстановить права гугенотов, ввести строгую финансовую отчетность. Но все закончилось тем, что Тюрго отправили в отставку. Страна вплотную подошла к революционной ситуации, прежде всего из-за нерешенной финансовой проблемы в стране.

Великая французская революция 1789-1794 гг. оказалась намного радикальнее, нежели революция в Англии.

Обратимся теперь к истории первого финансового скандала в Великобритании.

Англия, в начале XVIII в. объединившаяся с Шотландией в Великобританию, была в то время единственной страной в Европе, имевшей действующий парламент, политические партии и относительно свободную прессу. В XIV в. в Англии появляются в обращении золотые фунты стерлингов и до конца XVIII в. действует биметаллическая денежная система. В к. XVIII – нач. XIX вв. Англия становится первой страной золотого монометаллизма. По закону 1798 г. чеканка серебра была запрещена.

В самом начале XVIII в. в финансовой системе Великобритании получили распространение авантюристические и жульнические компании, известные под названием «мыльных пузырей». Главный мыльный пузырь – Компания Южных морей своей деятельностью напоминала деятельность некоторых российских банков в 1990-е годы тем, что вкладывала активы преимущественно в финансовые обязательства правительства. Ради своих целей она широко практиковала подкуп высших чиновников и членов парламента.

Компания Южных морей была основана в 1711 г. группой богатых купцов и банкиров и пользовалась протекцией Роберта Харли, лидера тори (консерваторов). При этом была использована хитроумная финансовая схема: держатели государственных обязательств на сумму около 9 млн. фунтов стерлингов получили в обмен на эти бумаги акции Компании Южных морей. Обязательства правительства были при этом переоформлены с некоторым облегчением для казны. Компания стала крупным кредитором государства, а государственная политика оказалась самым тесным образом увязанной с интересами компании.

Парламентским актом ей было предоставлено монопольное право торговли с богатыми землями Южной и Центральной Америки, которые принадлежали в то время Испании. Важной статьей бизнеса стала работоторговля – поставка рабов из Африки в Америку. Зависимые от компании газеты печатали статьи о баснословных доходах, которые должны были получать от этой торговли владельцы акций. На самом деле дела компании шли не так блестяще, как об этом писали.

Новая финансовая схема была еще более грандиозной, нежели та, что была в 1711 г.. Компания предлагала обменять практически весь государственный долг на ... свои акции по рыночному соотношению курсов ценных бумаг. 100-фунтовая акция стоила 125-130 фунтов: нетрудно себе представить, к какому обогащению это привело держателей облигаций. Цены на акции взлетели вверх, когда стало известно, что парламент примет закон об обмене ценных бумаг. Росту курсов способствовало то, что происходило во Франции: те, кто успели вовремя забрать свои деньги из Франции, теперь вовремя их инвестировали в Лондоне. Назывались фантастические суммы,

колоссальные размеры дивидендов, которые предполагалось выплачивать по акциям.

Закон об обмене ценных бумаг на реальные деньги быстро утвердили палатой лордов, и Георг I его подписал. Следует кстати подчеркнуть, что король уже несколько лет числился почетным председателем компании. Прошло всего несколько дней после подписания Закона, как правление объявило подписку на новую эмиссию по 300 фунтов за акцию. Вместо одного миллиона фунтов, как предполагалось, было собрано два. Вскоре объявили еще один выпуск, уже по 400 фунтов. Можно только себе представить, к какому ажиотажу это привело всех участников такой «сделки».

Успех акций Компании Южных морей породил возникновение все новых и новых акционерных обществ, являющихся ничем иным как «мыльными пузырями». Была даже компания, что занималась созданием Вечного двигателя. Были компании, что собирали деньги на совсем фантастические проекты вроде переселения диких обезьян из тропических стран в Англию, или производства деловой древесины из опилок. «Хватайте деньги где и как придется, а добродетель сзади пусть плетется», – писал Джонатан Свифт.

Итак, наступило лето 1720 г.; а в главном пузыре – Компании Южных морей наступило ажиотажное повышение курса акций до 900 фунтов. Спекулянты разживались, акционеры радовались, но тут вдруг по Лондону поползли слухи, что акции достигли своего потолка и скоро начнут падать. Этого оказалось достаточным, чтобы курс акций в несколько дней упал до 640, что вынудило членов правления Компании пойти на искусственное повышение цены за акцию путем указания своим агентам начать срочно скупать акции. Цена на них взлетела фантастически! К концу августа 1720 г. курс акций превысил 1000 фунтов, составив десятикратное умножение реальной цены за одну акцию. Вот теперь мыльный пузырь раздулся до предела. Он был готов лопнуть в любую секунду.

Вокруг дел Компании стали очень быстро распространяться самые невероятные слухи, многие из которых не имели ничего общего с реальностью, но тем не менее на рынке поднялась тревога, переходящая в панику. Говорили, что члены ком-

пании в срочном порядке продают свои акции. К этому времени Компания Южных морей заняла столь важное место в финансовой системе и общественной жизни страны, что ее трудности вызвали большую тревогу в правящих кругах Великобритании. Были посланы гонцы к королю, который находился в своих владениях в Ганновере, с просьбой вернуться и успокоить население. Из своего поместья был вызван член парламента сэра Роберт Уолпол, который в свое время боролся с мыльными пузырями. Уолпол пользовался большим авторитетом и влиянием в Банке Англии и мог заручиться поддержкой Банка для компании.

Банк не хотел вмешиваться в дела компании, опасаясь за свой престиж, а Уолпол, сам находившийся под огромным давлением, требовал от Банка составления проекта соглашения между Компанией и Банком, по которому последний должен был прийти на помощь. Это несколько ослабило панику на рынке.

От Банка Англии требовалось всего-навсего «поддержать общественный кредит», а по сути – спасти финансовую систему страны, которая сделалась заложницей Компании Южных морей. Как не вспомнить тут предостережение древних греков: Аристотеля, Ксенофонта и Платона о том, что деньги являются только «смазочным маслом» колеса истории и ни в коем случае не должны становиться сами объектом купли-продажи. Всею виной наша психология, которая не умеет вовремя тормозить и справляться с этой ненасытной жаждой всеобщего обогащения.

Заседание правления Банка продолжалось несколько дней с участием представителей Компании и без них. Итогом стало соглашение о подписке на 5-процентные облигации на сумму 3 млн. фунтов, которые Банк обещал предоставить в ссуду Компании Южных морей сроком на один год. Вначале подписка на облигации шла весьма оживленно, но вскоре... приостановилась. И это было воспринято публикой как сигнал к катастрофе. Люди бросились не только продавать акции, но и изымать свои вклады из Банка Англии. Последнему пришлось быстрее выдавать вклады, чем он накануне собирал деньги по подписке на облигации. Банк напор выдержал, а вот акции Компании упали

до 130-135 фунтов, в восемь раз по сравнению с тем, что было всего два месяца назад.

Одним из участников этих событий был великий ученый Исаак Ньютон. В этот период он находился на высокой должности управляющего Королевским монетным двором. В самом начале всей этой золотой лихорадки он заявил, что умеет рассчитывать движение небесных светил, но не может предугадать степень безумия толпы. При крахе Компании Ньютон потерял около 20 тыс. фунтов и до конца своей жизни и слышать не мог про «Южные моря».

Огромные эмиссии акций Компании Южных морей и операции с ними требовали много наличных денег. В отличие от ситуации во Франции, где биржевой бум подпирался эмиссией банкнот банка Ло, в Англии свои векселя типа банкнот выпускали многие частные банки. Эти векселя долгое время были равнозначны наличности и широко использовались во всех операциях с акциями Компании Южных морей. Падение курса акций компании многих сделало должниками, которые не в состоянии были уплатить свои долги банкам, а те в свою очередь попали в трудное положение. Близкий к компании банк «Сордблейд» оказался неспособным выплачивать наличные деньги по своим бумажным обязательствам. Под сомнением оказались векселя других банков. Все это означало не просто обесценивание акций одной компании, хотя и крупнейшей, но стало самым настоящим кредитным кризисом.

К началу XVIII в. на восточном побережье Америки до Аллеганского хребта было сформировано 13 английских колоний. За 150 лет, с 1610 по 1760 гг., количество англоязычных переселенцев увеличилось с 210 чел. до 1,6 млн. чел. В 1790 г. население английских колоний выросло до 3,5 млн. чел. (включая рабов). Уже к середине XVIII в. здесь назревало недовольство английской администрацией и действиями метрополии. В чем же состояло главное противоречие в их отношениях? В английских колониях наметилась явно выраженная специализация производства. В четырех северных колониях в Новой Англии развивались скотоводство, рыболовство, ремесла, мануфактуры, торговля, судостроение, судоходство. Это была наиболее современная, развитая и экономически независимая

территория. В трех колониях центральной части побережья шла преимущественно мелкая крестьянская колонизация. Часть крестьян платила фиксированную ренту землевладельцам. Именно здесь, в центральной части побережья, и стал вызревать конфликт, росло недовольство, так как фермерское хозяйство испытывало недостаток рынков сбыта, а рынок Англии был отгорожен высокими таможенными пошлинами. В 1699 г. в Англии был принят закон, запрещающий экспорт шерстяных тканей из любой американской колонии и даже продажу их в любом городе, кроме города, где они были изготовлены.

Политика протекционизма в Англии доходила до абсурда. В 1732 г. был принят закон, запрещающий вывоз шляп из американских колоний. В 1750 г. Англия запретила сооружение в Америке новых прокатных станков и открытие металлообрабатывающих мастерских, ограничивала производство готовых изделий из железа в американских колониях.

Недовольство английской политикой распространялось и на южных территориях, где плантаторы производили экспортную продукцию в расчете на английскую промышленность. В целом, населению американских колоний не очень по душе была перспектива стать аграрно-сырьевым придатком метрополии, к чему, естественно, стремилась Англия.

Взрыв недовольства возник тогда, когда английская администрация закрепила за собой земли за Аллеганскими горами. Огромная территория была объявлена собственностью государства и было запрещено переселение за Аллегану без королевского разрешения. А ведь эти земли привлекали многих: потенциальных фермеров восточного побережья, земельных спекулянтов, плантаторов Вирджинии, где наблюдалось истощение почвы.

Английская политика возмущала новых американских торговцев-оптовиков. В 1773 г. английский парламент принял «чайный акт», разрешавший находившейся на грани банкротства Ост-Индийской компании ввезти в североамериканские колонии фактически беспошлинно полмиллиона фунтов чая из Индии. Это подрывало положение многих купцов-оптовиков и вело к монопольному положению компании на американском рынке.

Торговый конфликт стал поводом для начала войны за независимость. В декабре 1773 г. произошло знаменитое «Бостонское чаепитие». Переодетые индейцами жители Бостона совершили 13 декабря налет на три судна британской Ост-Индийской компании и выбросили за борт 342 ящика чая в знак протеста против беспошлинного ввоза чая в Северную Америку. Правительство Великобритании постановило закрыть порт Бостона до полного возмещения ущерба и направило в Новую Англию военные корабли. Эти меры послужили сигналом к всеобщему сопротивлению североамериканских колоний.

Война за независимость продолжалась восемь лет и завершилась созданием нового государства – Соединенных Штатов Америки. Декларация независимости была провозглашена конгрессом 4 июля 1776 г. В 1787 г. была принята Конституция США.

Укрепление демократической государственности сказывалось несомненно и на промышленном развитии. В 1790 г. в стране появляется первая механизированная текстильная фабрика. Страна, не будучи ни промышленной, ни рыночной державой, в мае 1792 г. на Уолл-Стрит учреждает Нью-Йоркскую фондовую биржу. К 1800 г. в Штатах функционировало 29 коммерческих банков.

Десятилетие (1848-1859) после европейских революций оказалось весьма плодотворным периодом бурного экономического развития. По всему миру строились железные дороги, начиналась эра пароходов, в Западной Европе и в Северной Америке появлялись крупные промышленные предприятия, складывались банковские системы главных стран. Мировая торговля все больше и больше объединяла страны и континенты.

И вот такое развитие столкнулось с чем-то неуловимым, неосоздаемым, почти мистическим. Это мистическое и неуловимое заключалось в ткани вновь созданного и явившего себя миру такого явления как **фиктивный капитал**, как назвал К. Маркс мир ценных бумаг.

Именно в этой сфере, в сфере **фиктивного капитала**, и разразился первый в истории человечества мировой кризис.

Начался он падением акций ценных бумаг, обрушением банков, кредитов, банкротством предприятий. Как результат – падение торговых оборотов, снижение производственных мощностей, рост безработицы, появление нищих... Финансовый и экономический кризис 1857-1858 гг. был первым **мировым кризисом**. Из всех стран он поразил больше всего Великобританию, хотя начался в США. Такие государства как Франция и Германия также пострадали.

До создания первой международной валютной системы в 1867 г. оставалось еще целое десятилетие.

Кризисы, что будут происходить во второй половине XIX в., уже будут происходить в условиях стабильных денежных систем, основанных на золоте. Серебро еще оставалось денежным металлом, но роль его ослабевала. Великобритания первой из крупных стран приняла систему **золотого стандарта**. Это не означало, что деньгами были исключительно золотые монеты. Напротив, их доля в денежной массе скорее сокращалась, а доля **бумажных денег**, банковских банкнот и текущих счетов в банках – возрастала. Вот в чем заключалась система **золотого стандарта**: банковские деньги могли быть обмененными на золото по номиналу, что обеспечивалось золотым запасом центрального банка. В Англии, а затем и в других странах были приняты законы, которые устанавливали обязательные нормы покрытия банкнот золотыми запасами. Инфляционные бумажные деньги были оттеснены на периферию тогдашнего мира или использовались в самых крайних случаях, таких как Гражданская война 1861-1865 гг. в США.

1850-е гг. оказались периодом беспрецедентного взлета добычи золота. Значительное количество металла продолжала добывать Россия, в 1848 г. были открыты богатейшие месторождения в Калифорнии, в 1851 г. – в Австралии. Поток золота, подобно свежей крови, вливающейся в хозяйственный организм, пошел из этих отдаленных районов в Европу и в промышленные штаты США. Золото подтолкнуло рост промышленности, строительство железных дорог, учреждение акционерных обществ и банков. Оно облегчило утверждение и распространение золотого стандарта.

Золотые валюты не исключали определенных колебаний цен, несопоставимых, однако с тем, что происходит при бумажно-денежном обращении, не подкрепленном разменом банкнот на золото. В ходе экономических и финансовых кризисов цены, как правило, снижались, иногда значительно. В ходе кризиса 1857-1858 гг. индекс оптовых цен в США упал на 16%, а индекс цен сельскохозяйственных продуктов на 20%.

Падение цен было симптомом и составной частью кризиса. Обесценивались накопленные предприятиями товарные запасы, приходилось продавать продукцию себе в убыток, что делало для фирм невозможным погашение полученных ранее кредитов и вело их к банкротству.

В то же время, взаимные курсы валют, определявшиеся золотым содержанием каждой из них, оставались при кризисах почти неизменными, колебались в очень узких пределах – не более 1-2%. Столь привычная нам теперь девальвация не использовалась при золотых валютах в качестве валютной политики. Тем не менее, эти колебания валютных курсов были главным механизмом, управлявшим международным движением золота. При относительно низком курсе национальной валюты оказывалось выгодным вывозить золото из страны, при высоком курсе – наоборот.

Главным, в сущности – единственным орудием воздействия центрального банка на денежный рынок и через него на хозяйство была **учетная ставка**, т.е. процент, под который центральный банк кредитовал коммерческие. Этот кредит предоставлялся главным образом путем учета и переучета векселей, что означало покупку центральным банком долговых обязательств до истечения их срока с соответствующей скидкой с номинала. Например, банк покупал вексель со сроком погашения через три месяца номиналом в 100 фунтов стерлингов за 98 фунтов, что означало 2% за 3 месяца, т.е. 8% годовых.

Путем повышения учетной ставки центральный банк защищал свой **золотой запас**. При высоких процентных ставках коммерческим банкам и другим участникам рынка становилось невыгодным получать ссуды и обменивать на золото банкноты и деньги, находящиеся на банковских счетах. Кроме того, вы-

сокие процентные ставки могли привлечь денежный капитал из-за рубежа, а вместе с ним и приток золота. Однако повышение учетной ставки было обоюдоострой мерой: удорожание кредита могло повлечь за собой банкротство многих фирм, которые при дешевизне кредита могли бы как-то выкрутиться: еще более падал спрос на товары для капиталовложений, на рабочую силу для развития производства. Все это могло продлить и усугубить кризис.

Карл Маркс уделял очень большое значение роли центрального банка в условиях золотого стандарта. Он писал, что для сохранения в сейфах Банка Англии нескольких миллионов фунтов стерлингов в золоте правящие круги идут на такие жертвы как падение производства, рост безработицы, снижение заработной платы. Маркс прежде других увидел эту опасность, таящуюся в негибкости, неэластичности такой системы. Он это «вскрыл» прежде, чем к такому же выводу пришли экономисты и практики финансового дела. В сущности, им для того, чтобы придти к таким выводам, понадобился трагически опыт Великой депрессии 1930-х гг. Уже со знанием этого опыта кризисов XX в. один финансист весьма остроумно заметил, что защита золотой валюты таким способом напоминает клоуна, который, увидев далеко оставленный от рояля стул, не стул пытается придвинуть к роялю, а рояль к стулу. Под роялем он подразумевал страну, а под стулом – ее экономику, которую запрещалось трогать по правилам игры.

Эта дилемма экономической политики – «что дороже: стабильность валюты или экономический рост», – часто встает перед правительствами и центральными банками и в наши дни, когда золото больше не выполняет роль основы в денежных системах. Успеха добиваются те, кому удается достичь удовлетворительного компромисса между этими принципами.

В сущности, в таких категориях можно рассматривать экономическую политику России 1990-х гг. Защитники «реального сектора» говорили, что экономике не хватает денег, требовали проводить дополнительную эмиссию рубля Центробанком, полагая, что это может оживить промышленность и другие производственные отрасли. Они считали, что это важнее, чем

укрошение инфляции. Сторонники денежной стабильности требовали ограничения денежной эмиссии, считая, что она подорвет рубль, лишит надежды на экономический рост. Все закончилось тем, что на нефть в тот период резко взлетели цены и споры временно были остановлены притоком нефтяной прибыли.

Крах системы Ло во Франции и «мыльных пузырей» в Англии показал, что кредит и акционерное дело несут в себе кризисный потенциал. Несмотря на это к середине XIX в. обе эти сферы экономики получили наибольшее развитие, которое преобразило жизнь людей в Западной Европе и Северной Америке. Маркс справедливо полагал, что без кредитного дела мир до сих пор (т.е. до времени издания «Капитала») оставался бы без железных дорог: только акционерные общества могли собрать в единый кулак массы денежного капитала, необходимого для столь больших инвестиций с длительным сроком окупаемости. Вместе с акционерными обществами появляются банки, главным делом которых является «торговля кредитом». Они, с одной стороны, собирают денежные вклады предприятий и населения, с другой – пускают их в дело, предоставляя ссуды предпринимателям или покупая акции и другие ценные бумаги компаний.

Таким образом, банки и компании, точнее, их владельцы и менеджеры, берут на себя управление чужими деньгами, иногда очень большими массами таких денег. Казалось бы, это должно порождать их особую ответственность перед вкладчиками и акционерами, в конечном счете – перед обществом. Но... банкиры и управляющие, что так много всего обещают, действуют в условиях принципиальной неопределенности, которая присуща рыночной экономике. Получение прибыли, часть которой потом достается вкладчикам в виде процентов и акционерам в виде дивидендов, всегда сопряжено с рисками. Без риска нет прибыли. Не будем даже рассматривать проблему личной честности банкиров или управляющих: допустим, что все участники «сделки по управлению чужими деньгами» являются абсолютно порядочными и законопослушными гражданами. Рыночная экономика, в условиях которой инвестирова-

ние финансовых средств приносит прибыли, не существует в условиях стабильности, но подвергается как фазам подъема, так и фазам спада деловой активности, которые, в свою очередь, способствуют росту или снижению процентной прибыльной ставки на инвестируемый капитал. Изначально тенденция к тому, чтобы для собственного обогащения использовать чужие деньги не является нормальной, именно в ней, в этой нездоровой тенденции и заложено то противоречие, которое привело большую часть человечества всего через полтора столетия к неразрешимому финансовому коллапсу, из которого выбраться мы пока не в состоянии. Появились целые теории управления рисками, но ни к чему конструктивному они не приводят и привести не могут. Ибо само понятие «**риски**» является чем-то искусственно созданным, и от этого не поддается никакому серьезному регулированию.

Феномен массовой психологии становится важнейшим элементом финансовой архитектуры мира. При малейших симптомах неблагополучия в делах компаний акционеры начинают сбрасывать акции, что может превратить понижительную тенденцию в биржевой крах. Стоит появиться малейшему сомнению в стабильности того или иного банка, как вкладчики стремятся скорее изъять из этого банка свои вклады. По природе банковского дела банки не могут вернуть одновременно все вклады или даже их большую часть. Возникает так называемая банковская паника. Если это происходит с одним или несколькими банками, то ситуация еще как-то может выровняться, но когда вовлекается большое число банков и паника делается всеобщей, тогда дело обстоит куда хуже. «Спасайся, кто может!» – под таким лозунгом начинают не спасаться, а обрушиваться банки и другие компании. Начинается финансовый кризис.

Как масштабы, так и глубину кризиса вначале никто не может оценить, это делается очевидным лишь спустя некоторое время, когда уже недостаточным оказывается использование тех или иных механизмов преодоления кризисных явлений, что могли в самом начале остановить панику и не допустить ее разрастание. Многое открывается лишь потом, а чаще всего все

мельчайшие подробности кризисных явлений так и остаются неразгаданными.

В XIX в. правительства чувствовали себя бессильными перед кризисами, а нередко своими действиями даже усугубляли их. Только после Великой депрессии 1930-х гг. экономисты как будто что-то поняли в феномене борьбы с кризисами и стали весьма удачно это использовать с известными шансами на успех.

Одной из важнейших составляющих любого финансового рынка является понятие «**спекуляция**». Под этим словом мы понимаем покупку любых активов (товаров, земли, ценных бумаг, иностранной валюты) на рынке в надежде на повышение цены этих активов с целью их дальнейшей продажи в случае роста цен этих активов. Одни спекулянты покупают в надежде на рост цен, другие продают, предвидя падение цен: таким образом, получается, что спекуляция выполняет полезную функцию, способствуя выявлению реального спроса, и стабилизирует рынок. Так должно быть, но на деле все получается совсем не так. В любом деловом цикле существуют две тенденции: повышательная и спад. Когда растут производство, торговля, занятость и доходы, развивается повышательная, односторонняя спекуляция: большинство участников рынка покупает и мало кто продает. Происходит искусственно созданный **бум**. Цены в период бума растут вне соответствия с реальными процессами в экономике: цены товаров отрываются от уровня затрат и нормального спроса; курсы акций теряют связь с фактическими и разумно ожидаемыми прибылями компаний: цена земли уже мало зависит от возможностей ее производительного использования в ближайшем будущем.

Если спекулянт работает только со своим собственным капиталом, то сам размер его собственного капитала ставит ему ограничительные границы. Больше, чем размер его капитала, он развернуться не может. Другое дело, если речь идет о привлеченных кредитах, или о так называемых «чужих капиталах». Тут масштабы спекуляций возрастают в геометрической прогрессии, в соответствии с объемами привлекаемых финансовых ресурсов. Приведем такой пример: спекулянт вкладывает 1000 долларов и рассчитывает продать купленный объект за 1500.

Его прибыль составит при этом 50%. Но если он получит ссуду в 10.000 долларов под 10% и вложит в дело уже 11.000, то его прибыль составит 16.500 долларов. Отдав 1000 долларов под оговоренные 10%, у него останется чистой выручки 14.500 долларов, что означает норму прибыли в 1450%. Такой феномен многократного увеличения прибыли при использовании чужого, заемного капитала получил настолько быстрое распространение по всему миру, что вытеснил собой все здравые доводы в пользу ограничения такой спекулятивной деятельности во вред всему обществу. Психология спекуляции иррациональна. Рано или поздно любой спекулятивный бум заканчивается крахом. Стремление купить заканчивается стремлением продать: вначале – чтобы получить прибыль, а затем – чтобы просто спасти свои деньги. Успешно из этой сомнительной игры выходят хладнокровные профессионалы, а жертвами становятся массы мелких инвесторов. Но разверзающийся затем финансовый кризис не щадит уже никого.

Все вышесказанное относится не только к финансовым кризисам XX и XXI вв., - нет, это в полной мере отразилось и проявилось в кризисе 1857-1858 гг.

К.П. Киндлебергер в своей книге «История финансового кризиса: мании, паники, крахи» (Нью-Йорк, 1989) составил таблицу (сс.250-257), в которой содержится немало весьма полезной информации. Что можно из нее извлечь о кризисе 1857-1858 гг.?

Финансовый кризис того периода охватил почти все развитые капиталистические страны того времени: США, Англию и континентальные страны Западной Европы. В Европе кризис может быть соотнесен с окончанием Крымской войны в 1856 г. и с теми изменениями экономической ситуации, что произошли вслед за этим.

Объектами спекулятивной деятельности в период бума, предшествовавший кризису, были: в США – ценные бумаги, акции железнодорожных компаний и раздаваемые государством земельные участки; в Англии – тоже железные дороги и зерно; в странах европейского континента – опять-таки железные дороги и акции предприятий тяжелой промышленности.

Расширение денежной массы, что требовалась для роста спекуляций, обеспечивалась: в США – притоком золота и ростом межбанковских операций; в Англии – слияниями банков и межбанковскими операциями; на континенте – операциями банка «Креди мобилъе» и новых германских банков.

Пик спекулятивного бума в США и в Англии приходился на конец 1856 г., а на континенте – на ноябрь 1857 г.

Приток ликвидных средств, что помог скорейшему выходу из кризисной ситуации, произошел: в США – путем поступления капитала из Англии; в Англии – путем отмены банковского акта от 1844 г., жестко ограничивавшего эмиссию банкнот Банком Англии; в Гамбурге – путем дополнительного притока серебра.

Естественно, что это по схеме, а в действительности все обстояло намного сложнее.

С чего начинаются кризисы? В каждой стране финансовый кризис имеет свои особенности, проходит свои зигзаги и петли. Американская экономика в середине 50-х гг. XIX в. была в значительной степени ослаблена бумом, чрезмерным ростом акций и разных форм кредитов, поэтому резкое падение цен на зерновые привело к росту неплатежеспособности американских фермеров американским банкам по погашению своих долгов, банки увязли в безнадежных ссудах...

Но всегда нужен ещё один толчок, всего-навсего ничтожный, но всегда играющий роковую роль. И таким толчком в 1857 г. стало недобросовестное поведение одного казначея нью-йоркской конторы большого провинциального банка «Огайо лайф иншуренс энд траст компани». 24 августа 1857 г. он похитил все ликвидные средства банка, используя их для спекуляций с ценными бумагами. Недаром американский автор, в 1859 г. писавший по свежим следам о банках, отмечал, что мошенничество, точнее, его предчувствие, характеризует всю банковскую систему.

Банк объявил о своем банкротстве. Как отмечал другой современник, это подействовало подобно «взрыву бомбы». Вдруг выяснилось, что сотни предприятий не имеют ликвидных средств, чтобы проводить срочные платежи. Учет главного

кредитного инструмента – векселя, т.е. продажа его за наличные, стал теперь невозможен. Никто не хотел давать деньги в кредит под залог ценных бумаг, которые стремительно обесценивались.

В США в то время еще не было центрального банка. Эту роль для сотен мелких провинциальных банков играла группа крупных банков Нью-Йорка, в которых мелкие банки хранили резервы и на поддержку которых рассчитывали в случае необходимости. В обращении находились банкноты множества банков, обещавших разменивать свои банкноты на звонкую монету. Эта банковская система была устойчивой по своей сути, она более или менее успешно функционировала в обычных условиях, но не справлялась с ситуацией в кризисных условиях.

К 25 сентября 1857 г. число банков, прекративших выплату вкладов и обмен своих банкнот, достигло 175. В последнюю неделю месяца закрылись еще 150 банков. Чтобы получить хоть какой-нибудь кредит, надо было платить ростовщический процент – до 100% годовых.

13 октября оказалось днем панического поведения банков в Нью-Йорке. Автор капитального труда о кризисах Макс Вирт, непосредственно наблюдавший все происходящее, писал о тревоге и смятении, царивших на Уолл-стрит. Толпа в несколько тысяч человек осаждала здания стремительно закрывавшихся банков. В конце дня закрылось 18 нью-йоркских банков, на следующий день еще 32 банка. Практически вся банковская система США потерпела крах, что не могло не отразиться на экономической деятельности в стране. Волна банкротств прокатилась по Америке, многие стали безработными.

В осенние месяцы произошло также большое падение курсов акций. Это было время, когда центральные места на бирже занимали акции железнодорожных компаний (крупных акционерных компаний в промышленности и торговле было еще сравнительно мало).

Кризис был не очень продолжительным. Уже к декабрю 1857 г. нью-йоркские банки возобновили свои платежи, в провинции иные банки оставались закрытыми до мая 1858 г. Уже к

середине ноября 1858 г. процентные ставки снизились до нормального (докризисного) уровня.

У кризиса, который разворачивался в Великобритании, были свои особенности. В 50-е гг. XIX в. за 10 лет (с 1847 по 1857 гг.) банковские вклады выросли в пять раз: сберегать стали не только богачи, но и люди среднего достатка. Однако банки стали вкладывать эти деньги в ссуды, которые делались все менее и менее обеспеченными. Общепринятой формой ссуд был учет векселей; когда с конца 1856 г. началось падение цен, многие торговые фирмы оказались не в состоянии погашать свои векселя в срок. Выяснилось, что многие векселя были выданы без всякой связи с реальным торговым оборотом. Такие векселя выдавались, или акцептовались (акцепт означает предварительное согласие на оплату векселя) специально для того, чтобы получить путем их учета кредит у вексельного брокера, а, в конечном итоге, – в банке.

После кризиса один английский ученый писал в 1859 г.: «С одной стороны, имелся безграничный ресурс капитала, ищущего заемщиков; с другой – толпа алчущих спекулянтов, стремившихся загнать кредитную систему за пределы ее возможностей. Кредиторы проявляли в своих ссудах крайнюю степень безрассудства, заемщики гнались за большой прибылью. Так началось строительство здания заемного капитала, готовое рухнуть при первом толчке...» [14, с.33].

И этим «толчком» явилось известие об американском банковском крахе. Потребовалось около двух недель (еще не было трансатлантического телеграфного кабеля), чтобы наступила реакция в Великобритании. Коммерческие банки кинулись в Банк Англии за переучетом векселей и за своими резервами, хранившимися в Центральном банке. Начался отток золота из Банка Англии. Банк принял обычные меры: в несколько приемов повысил вдвое учетную ставку – процент, под который он согласен кредитовать коммерческие банки.

Однако напряжение на денежном рынке продолжало нарастать. Из обращения стали исчезать банкноты Банка Англии и золотые монеты. Многие банки были не в состоянии возвращать вкладчикам их вклады и обменивать свои банкноты

(в то время они еще имели право выпускать банкноты) на золото. В конце октября прекратил платежи крупный провинциальный банк «Бороу бэнк» в Ливерпуле, через несколько дней банковский кризис поразил Шотландию. Особенно сильно пострадал главный торговый центр город Глазго, поскольку был экономически тесно связан с Америкой. 9 ноября прекратил платежи «Уэстерн бэнк оф Скотланд». Наблюдатель так описывал события следующих двух дней: «Паника нарастала, и отказ в приеме банкнот “Уэстерн бэнк” сильно увеличил волнение. Люди, которые приходили в банки за деньгами, отказывались брать банкноты любого банка; им уже было все равно, что это за банк, они требовали только золота... Улицы Глазго были заполнены возбужденной толпой... Власти опасались волнений и даже послали войска...» [14, с.69]. Паника несколько ослабла, когда стало известно, что из Лондона прибыл груз золотых монет для подкрепления запасов банков.

Во всей стране сложилось чрезвычайное положение. 12 ноября правительство прибегло к доступной ему антикризисной мере: санкционировало выпуск Банком Англии банкнот сверх лимита, установленного законом 1844 г. В письме руководителям банка премьер-министр Пальмерстон и министр финансов констатировали, что произошел «подрыв доверия и уход из обращения значительной массы банкнот». Они брали на себя обязательство провести через парламент формальное освобождение Банка Англии от его обязательств по этому закону [34, с.66-67]. Хотя натиск на Банк Англии продолжался еще несколько дней, напряжение стало ослабевать. Для этого оказалось достаточным эмиссии в размере 8 миллионов фунтов стерлингов.

Финансовый кризис имел немалые последствия для промышленности и торговли. В текстильной и машиностроительной промышленности были уволены несколько десятков тысяч рабочих. Увеличивалась городская нищета, которую потом так красочно опишет Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» и К. Маркс в первом томе «Капитала».

В последние месяцы 1857 г. резко ухудшилось положение в континентальных странах Европы. Германия еще не была единым государством. Многие германские земли кризис обо-

шел стороной, но очень серьезно отразился на торговых городах Северной Германии, особенно Гамбурге, который был тогда отдельным государством. Когда в Гамбурге стало известно о кризисах в США и в Англии, денежный рынок Гамбурга стал завален огромным количеством векселей, выданных неплатежеспособными фирмами. Но тут имелась и своя специфика: многие фирмы еще со времен Крымской войны кредитовали скандинавских купцов, нажившихся на войне с Россией, которая подвергалась блокаде со стороны Англии и Франции. Эти купцы вкладывали свои средства в неликвидные ценности и не смогли срочно погасить свои долги Гамбургу.

7 декабря 1857 г. Энгельс пишет Марксу: «В Гамбурге все идет великолепно... Такой всеобщей и классической паники в Гамбурге еще никогда не было. Все обесценено, абсолютно обесценено, кроме **золота и серебра**... Вся история в Гамбурге вызвана грандиознейшими, каких свет не видывал, операциями с дутыми векселями». Многие германские банки, уже тесно связанные не только с торговлей, но и с промышленностью, оказались под сильным ударом: в декабре 1857 г. акции крупнейших банков продавались на 50-70% дешевле, чем в лучшее время – в середине 1856 г.

Развязка кризиса в Гамбурге наступила, когда прибыл «серебряный поезд», доставивший груз серебра, предоставленного правительству Гамбурга правительством Австрии в кредит. Это серебро помогло «расшить» неплатежи. Те фирмы, что обанкротились, ушли из бизнеса, другие потуже «затянули пояса». К середине 1858 г. ситуация нормализовалась.

Для Франции был характерен биржевой кризис, связанный с ростом в период бума крупных акционерных компаний в сфере железнодорожного строительства и промышленности. К середине 1856 г. началось падение многих акций, а осенью 1857 г. произошло обвальное падение курсов акций почти всех железнодорожных компаний, а акции банка «Креди мобилье» потеряли больше половины своей стоимости.

Таким был первый финансовый кризис капитализма, из которого все страны благополучно выбрались при опоре на золото и серебро.

1. Ефремов Н. «К вопросу о кредитно-банковских отношениях в античности». М., 2006
2. Рота П. «История банков». М., 1987
3. Мортон Ф. Ротшильды. История династии могущественных финансистов; пер. с англ. М., 2004
4. Моультон Г., Льюис К. Финансы и экономика современной Франции; пер. с англ. М., 1927
5. Лиетар Б.А. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру; пер. с англ. М., 2007
6. Лиетар Б.А. Душа денег; пер. с англ. М., 2007
7. Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891
8. Удинцев В. История займа. Киев, 1908
9. Аникин А.А. История финансовых кризисов. М., 2000
10. Бимман А.Б. История банков. Историческое развитие банков в России и за границей с древнейших времен и до наших дней. СПб., 1914
11. Мехлер Х. Деньги не пахнут, или Путь к финансовой независимости; пер. с нем. М., 2007
12. Матук Ж. Финансовые системы Франции и других стран. (В 2-х томах). М., 1994
13. Eichengreen B. The Gold Standard in Theory and History. N.Y., 1997
14. Hume M. The Global Credit Boom. L., 2009
15. Dilley D.K. Essentials of Banking. N.Y., 2008
16. Baer H. The World Bank. N.Y., 2008
17. Reszat B. European Financial Systems in Global Economy. N.Y., 2005
18. Smith R.S. Global Banking. N.Y., 2003